

АЛЕКСАНДР КАРСКИЙ

НА ФРОНТАХ
ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

18-Й ГУСАРСКИЙ
НЕЖИНСКИЙ
ПОЛК

Александр Карский

**На фронтах Первой
мировой войны. 18-й
гусарский Нежинский полк**

«Алетейя»

2016

УДК 94(47)"1914/18"
ББК 63.3(2)524

Карский А. А.

На фронтах Первой мировой войны. 18-й гусарский Нежинский полк / А. А. Карский — «Алетейя», 2016

ISBN 978-5-906860-69-9

В книге документально воспроизведен боевой путь 18-го гусарского Нежинского полка на фронтах Первой мировой войны. Повествование основано на архивных материалах, научной литературе, мемуарах, записной книжке участника событий. Исследование проиллюстрировано фотографиями из старых семейных альбомов, находящихся в распоряжении автора.

УДК 94(47)"1914/18"
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-906860-69-9

© Карский А. А., 2016
© Алетейя, 2016

Содержание

Вводная информация	6
Часть I. 1914 год	7
1. Мобилизация	7
2. Первые боевые столкновения	9
3. Рейд на Раву-Русску и Камионку-Струмилову	11
4. Первая Галицийская битва	16
5. Полковник Д. И. Ромейко-Гурко	18
6. Сражение на реке Сан	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Карский
На фронтах Первой мировой войны.
18-й гусарский Нежинский полк

© А. А. Карский, 2016

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

Вводная информация

Полк сформирован как 52-й драгунский Нежинский 16 сентября 1896 года. Для этого по одному эскадрону было выделено от 3-го, 18-го, 24-го, 27-го, 30-го и 36-го драгунских полков. Полковой штандарт простой, без надписи, пожалован Высочайшей грамотой в том же году 5 октября. Полковой праздник – Покрова Пресвятой Богородицы, 1 октября. Место постоянного расположения – город Елец Орловской губернии.

Вместе с 51-м драгунским Черниговским Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Феодоровны полком, расквартированным в Орле, 52-й драгунский Нежинский полк составлял 2-ю Отдельную кавалерийскую бригаду. Оба полка приняли участие в Русско-японской войне 1904–1905 годов.

6 декабря 1907 года, в ходе проводившейся тогда реформы, драгунские полки переименовали: Черниговский полк стал называться 17-м гусарским, а Нежинский полк – 18-м гусарским. Приказом по Военному ведомству № 213 от 7 мая 1912 года 18-му гусарскому Нежинскому полку установлено старшинство с 28 июня 1783 года, когда был учрежден Нежинский конный полк, имевший затем славную боевую историю. Благодаря этому, офицеры полка 26 августа 1912 года получили медаль «В память 100-летнего юбилея Отечественной войны», а полк принял участие в юбилейных торжествах. К этому времени полк уже имел 12 серебряных труб с надписью «За отличие в 1904–1905 гг.» (пожалованы 5 июля 1909 года). На головных уборах знак с надписью «За отличие» был пожалован еще в 1898 году в память подвигов в войне с Турцией в 1828–1829 годах Нежинского конно-егерского полка.

2-я Отдельная кавалерийская бригада относилась к Московскому Военному округу, была приписана к XIII армейскому корпусу 2-й армии. В предгрозовой обстановке, когда стало ясно, что начало грядущей войны будет развиваться по стратегическому плану А (основные силы России направлены против Австро-Венгрии), ее включили в состав 5-й армии Юго-Западного фронта (командующий армией – генерал от кавалерии П. А. Плеве, начальник штаба генерал-лейтенант Е. К. Миллер).

Из 2-й и 3-ей Отдельных кавалерийских бригад (в последнюю входили два уланских полка – 16-й Новоархангельский и 17-й Новомиргородский) сформировалась Сводная кавалерийская дивизия, во главе которой был поставлен начальник 3-й бригады – генерал-майор Сергей Петрович Ванновский.

Часть I. 1914 год

1. Мобилизация

Мобилизационная готовность полков российской кавалерии в пограничных округах определялась в 6 часов, а во внутренних – в двое суток. Поэтому уже утром в субботу, 19 июля, полк был готов к боевому походу.

В Ельце 17 июля начались, а 18 июля продолжились массовые патриотические манифестации. «Елецкий Вестник» сообщал: в городском «Семейном саду» полковой оркестр играл поочередно российский и сербский гимны, а также «Марсельезу», толпа качала полковника А. Д. Дросси, затем направилась через Сенную площадь, по Великокняжеской улице, к штабу 18-го гусарского Нежинского полка. Тут с балкона несколько офицеров – штаб-ротмистр Л. Д. Кишкин, подполковник Н. П. Коломнин – произнесли речи.

Жители Ельца гордились расположенным в городе полком. Еще за неделю до объявления мобилизации, 11 июля, очевидно, когда уже предощущались грядущие грозные события, на плацу перед казармами состоялась торжественная церемония подношения полку икон. При многочисленном стечении публики прибыли депутации во главе со всей верхушкой местной власти. После молебствия с провозглашением многолетия Царствующему Дому и Нежинскому полку, после окропления выстроившихся гусарских шеренг святой водой, выступил с краткой речью уездный предводитель дворянства А. С. Бехтеев и под конец попросил принять от елецкого дворянства икону. Затем городской голова Н. П. Ростовцев поднес икону «Покров Пресвятыя Богородицы». Третья икона была передана местным полицмейстером С. В. Сченсновичем от чинов полиции. И, наконец, члены общества хоругвеносцев поднесли полку хоругви. Об этом с некоторым опозданием, 19 июля, когда уже полным ходом шла мобилизация, поведала местная газета «Елецкий Вестник». В старом семейном альбоме, доставшемся автору по наследству, сохранились уникальные фотографии, запечатлевшие это событие. Они приведены в блоке иллюстраций.

В этом же альбоме имеются фотографии построения полка 19 июля и затем повзводного прохождения эскадронов к вокзалу, на погрузку. Как удалось выяснить из «Полевой книжки» полкового адъютанта поручика А. В. Полякова, уходили один за другим три эшелона. В первом предполагалось отправить 8 офицеров, 216 гусар и 234 лошади, во втором – 14 офицеров (фактически уехало 12), 219 гусар и 248 лошадей и, наконец, в третьем – 5 офицеров, 222 гусара и 238 лошадей. Путь следования составов: Елец – Орел – Брянск – Гомель – Барановичи – Лунинец – Волковыск – Брест – Холм.

Мобилизационное расписание № 20 от 25 сентября 1913 года («Основные соображения по развертыванию наших вооруженных сил при войне с державами Тройственного союза») к началу войны не было введено, армия мобилизовалась по расписанию № 19 1910 года, однако при стратегическом развертывании войск руководствовались и последними «Основными соображениями». 5-я армия должна была подготовиться к наступлению на фронт Любачев – Жолкиев. Сосредотачивалась 5-я армия в районе Ковель – Холм – Брест-Литовск. Первоначально Штаб армии находился в Брест-Литовске, затем с 7 августа он уже в Холме.

23 июля Нежинский гусарский полк от вокзала в Холме, поседлав коней, походным маршем отправился в деревню Чулчице, где и разместился на постой. 25 июля в 5 часов утра 1-й и 2-й эскадроны выступили на службу наблюдательных застав. Они встали южнее г. Холм на линии Селец – Удалец и наблюдали район, ограниченный с запада деревнями Раколупы, Хородыско и Куавка, а с востока – деревнями Чернеев, Розтока и Седлище. 26 июля полк начал выдвигаться к границе через Рейовец и Красностав, далее 27 июля через г. Замостье

(Замосць) к местечку Бархачев. Тут была устроена дневка. 29 июля штаб полка уже в деревне Комаров (д. Комарув), причем от 4-го эскадрона выставлены были три поста – у деревень Вулька Лабуньска и Ятутов и, наконец, у самого Замостья.

2. Первые боевые столкновения

В РГВИА отсутствует «Дневник военных действий» Нежинского гусарского полка за первые месяцы войны, нет и подшивки приказов за 1914 год. События приходится восстанавливать по отрывочным записям в «Полевых книжках донесений», по описаниям подвигов в наградных листах и по фрагментарным воспоминаниям генерала А. М. Драгомирова, еще с довоенной поры командовавшего 2-й Отдельной бригадой. Воспоминания, опубликованные в 1963 году в журнале «Военная Быль», дают живые зарисовки первых боевых действий подчиненной ему бригады, но составить на их основе полную картину не представляется возможным.

Любопытно, что генерал получил ошибочный мобилизационный наряд и уехал в Екатеринодар для формирования там 2-й Кубанской казачьей дивизии. Когда ошибка выяснилась, он поспешно отправился в обратный путь и разыскал свою бригаду уже вблизи границы с Австро-Венгрией, южнее городка Грубешова (Хрубешув).

К этому времени Нежинцы понесли первые потери. 30 июля, рано утром, из д. Комаров вышли три отряда. Полуэскадрон 4-го эскадрона отправился на станцию Любыча для рекогносцировки. 3-й эскадрон двинулся к д. Ярчев (Ярчув), при этом был обстрелян слева от фольварка и справа из д. Журавце. Тут был убит мл. унтер-офицер Михаил Батов – православный, неженатый, уроженец Рязанской губернии. Он открывает скорбный список боевых потерь полка в мировой войне.

Самая трудная задача в тот день выпала 2-му эскадрону под командой ротмистра Фёдора Хакольского: предстояло зайти на неприятельскую территорию, подобраться к станции Угнов (ст. Угнув), выяснить, какими силами она охраняется, после чего прорваться на станцию и нанести ей максимальный ущерб, заложив взрывчатку.

В «Полевой книжке» осталась копия рапорта, написанного ротмистром Ф. Хакольским сразу после возвращения с задания. Эскадрон прошел через деревни Чертовчик, Семнице, Вулька Пукаржовска, Гопке, Подледов (Подледув). Тут были назначены три офицерских разъезда. Разъезд корнета Есипова двинулся через деревни Губинек, Ржечица и Дыниска прямо к ст. Угнов. У д. Губинек заметили 5 кавалеристов, под Ржечицей попали под сильный ружейный обстрел. В 200 метрах перед станцией оказалась застава силою до взвода. Она встретила разъезд пальбой. Из станционной теплушки выбежали солдаты и, подбежав к заставе, также принялись стрелять. Но тут, пройдя по гати к каменной мельнице, подтянулись основные силы эскадрона. Ротмистр Хакольский решил выбить стрелков. Он спешил свой отряд, коноводов оставил за строениями под командой штаб-ротмистра Ланцуцкого. В рапорте сказано:

«...Цель в 2 взвода при офицерах Гринцове и Везенкове выслал на окопы перед станцией... Я открыл огонь. В это время с тыла правого фланга меня стали обходить шагах в 50 около 35 солдат в синих мундирах, почему приказал Везенкову переменить фронт его цепи направо. В это время ко мне подбежал корнет Везенков, заявил, что он ранен в руку, и просил разрешения атаковать, на что я приказал ему вернуться и обстреливать его цель. Продвинувшись вперед с резервом, я заметил, что выстрелы угрожают коноводам и обходящий противник может захватить гать – мой единственный путь отступления. Из цепи донесли, что Везенков и гусар Ретайчик убиты. Корнету Гринцову приказано огнем прикрыть посадку на коней... Посадив под беспорядочным огнем со всех сторон эскадрон, я рысью отвел его на гать».

Ротмистр Хакольский особо отметил четкие действия во время боя корнета Гринцова, а также спокойные распоряжения коноводам, под сильным огнем, штаб-ротмистра Ланцуцкого.

За телами убитых товарищей дважды посылали ст. унтер-офицера Маслова, но из-за сильного огня он оба раза возвращался назад. Гусар Прунков, тащивший тело Везенкова, сам был ранен в левую руку, с переломом кости. Были и другие раненые. Таким – тяжелым, неуспешным – оказался первый бой Нежинских гусар в разгоравшейся войне.

Но погибшие не были оставлены на поле сражения. Ротмистр поступил просто: добравшись до ближайшего фольварка, он приказал его владельцу доставить тела, пригрозив в случае невыполнения сжечь не только хутор, но и соседнюю деревню Дыниска. Ночью тело корнета Везенкова доставили в д. Шлятин. При нем были часы, полевая сумка и нательный крест, но кошелька с деньгами не оказалось. Похоронили корнета в тот же день, 31 июля, при церкви в д. Верщица.

За этот бой штаб-ротмистр Леон Ланцуцкий и корнет Иван Гринцов были представлены к ордену Св. Станислава с мечами и бантом. Ст. унтер-офицера Павла Маслова и гусара Николая Прункова наградили Георгиевской медалью 4-й степени.

Представление к наградам подписывали командир полка полковник Я. – Ф. Ф. Витковский и генерал А. М. Драгомиров, вступивший в командование бригадой 1 августа. Штаб Нежинского полка находился тогда в д. Василев (Васылюв). Сводная дивизия готовилась к дерзкой и рискованной операции.

3. Рейд на Рава-Русску и Камионку-Струмилову

Об этом рейде крупного кавалерийского соединения в тыл противника, за 40–50 верст от границы, еще до начала общего наступления 5-й армии, сведений крайне мало, специальных исследований выявить не удалось. А событие это весьма примечательное и требует серьезного анализа.

Перед Сводной дивизией была поставлена задача: глубокая разведка расположения австро-венгерских войск и разрушение путей сообщения. С начала августа основные силы дивизии начали сосредотачиваться в районе д. Хулче у самой границы. 4 августа дивизия, сметающая на своем пути небольшие отряды противника, ворвалась на территорию Восточной Галиции. Конная лавина двигалась с севера на юг, между пограничным городом Белз и станцией Угнов, через местечки Домашев (м. Домашув) и Доброва. Удар оказался, видимо, неожиданным для австро-венгерского командования. Крупное конное соединение российской императорской армии устремилось к г. Рава-Русска (в 10 верстах от границы) не с северо-запада, как того ожидали, а с северо-востока и востока, беря город в полукольцо.

Завязались бои на подступах к станции. Кавалеристы спешили и атаковали как заправские пехотинцы. Вот описание действий взводного унтер-офицера 6 эскадрона Семёна Кулакова:

«4 августа в бою под Рава-Русской командуя взводом, наступал вдоль деревни, обстреливаемый из каждого дома, и, выбивая противника, очистил деревню и тем обеспечил наступающую цепь от флангового огня противника».

С такой же решительностью действовал и ст. унтер-офицер Пётр Даниленко:

«...командуя взводом, с отличною храбростью вел цепь вперед и выбил противника из каменного здания, причем вошел в него первым, увлекая за собой своих товарищей».

Вскоре важный железнодорожный узел был захвачен. Подробности атаки можно также узнать из приказа о награждении Георгиевским оружием командира 5-го эскадрона 18-го гусарского Нежинского полка ротмистра (с 17 августа за отличие в делах против неприятеля – подполковника) Кургоко Дударова:

«...в бою под Рава-Русска 4-го августа 1914 г., командуя боевым участком в стрелковой цепи, атаковал австрийцев во фланг в штыки и заставил их очистить позиции, что повлияло на благоприятный исход боя».

Раненый ротмистр Дударов был отправлен в тыловую госпиталь. Из наградных списков нижних чинов полка, получивших за этот бой Георгиевские кресты 4-й степени, известно, что первыми заняли станцию, под сильным огнем противника, мл. унтер-офицер 1-го эскадрона Фёдор Фомин, ефрейтор Станислав Францев и гусары Павел Ермаков, Дмитрий Крысанов и Бронислав Райт.

Жаркий бой разгорелся вокруг старого замка и прилегающей к нему усадьбы. Атаку повел взводный унтер-офицер Сергей Ботырев: «4 августа под Рава-Русской за отсутствием офицера принял командование спешенным взводом и, личным примером увлекая за собой взвод, под сильным огнем противника, бросился в штыки на укрепленный замок и выбил оттуда противника».

Первым в замок ворвался мл. унтер-офицер Иван Сергеев. Затем отличился взводный унтер-офицер Егор Молодкин:

«...командуя взводом, за отсутствием офицера, когда противник, выбитый из замка, занял прилегающую усадьбу и открыл оттуда сильный огонь, бросился в штыки и выбил противника».

Из «Полевой книжки донесений» видно, что наряду с захватом станции было осуществлен и подрыв железнодорожного полотна: *«Для разрушения железной дороги на участке Рава-Русска – Жолкиев назначается от дивизии две партии. Правая партия (подполк. Лермонтов) – 6 эск. ул. 16 п., 2 пулемета на выюках и 3 разъезда, предназначенных для порчи ж. д. Состав разъезда 11 человек... Левая партия (полк. Дросси) в составе 1 эскадрона, 2 пулемета на выюках и 7 разъездов для порчи ж. д.»*. Запись относится, вероятно, к 4 или 5 августа. Диверсанты должны были выступить в 9 часов утра из м. Домашева (это южнее Белза). Очевидно, на первом этапе операции тут располагался резерв дивизии. Оба отряда вместе следовали через д. Пролуки до д. Доброва, тут разделялись, а затем выбрасывали на железнодорожный путь в общей сложности десять разъездов с подрывниками.

5 августа адъютант 18-го гусарского Нежинского полка поручик Поляков написал жене письмо:

*«Дорогой Зинусик.
Из Австрии шлю тебе свой привет и поцелуи. Я жив, здоров. Посылаю эту весточку на ура. Может быть, дойдет до тебя как-нибудь. Любимая моя, счастье моё, целую тебя и Глеба. Андрей».*

6 августа основные силы дивизии с обозами обосновались на ночлег в селении Кунин. Это верстах в 20 к юго-востоку от Равы-Русской, за железной дорогой на Жолкиев (Жолква, Жовква), который в тот день был захвачен. Вероятно, этим маневром командование хотело ввести в заблуждение противника. Могло показаться, что направление рейда – дальше на юг. Однако в планах было совсем другое. Поздно вечером до полков был доведен приказ:

«Завтра 7 августа лошадей начать седлать в 4½ ч. утра. В 5 ч. утра всем полкам одновременно начинать вытягиваться на общий сборный пункт на поле, что находится к северу от восточного конца д. Кунин. Строиться в резервный порядок: полки в одну линию в двойных взводных колоннах фронтом на д. Доброзин (на северо-восток)... Полкам стать в резервной колонне справа налево в следующем порядке: Нежинцы, конно-пулеметная команда Черниговского полка, Черниговцы, Новомиргородцы, уланская конно-пулеметная команда, Новоархангельцы...».

Итак, направление было взято на северо-восток – вглубь вражеской территории. В середине дня штаб дивизии уже в селе Желдец, всего в десятке верст от г. Камионка-Струмилова. В ночь на 8 августа конно-саперные команды отправились по заранее намеченным маршрутам. Главной целью был большой железнодорожный мост через реку Буг. Охрана моста, не выдержав атаки превосходящих сил, отошла. Важный стратегический объект был взорван. В то же самое время 4 эскадрон, выполняя отдельное задание, ворвался на станцию Куликово (Куликов), находящуюся юго-восточнее г. Жолкиев. Произошел бой. В наградном листе вахмистра подпрапорщика Исидора Селивончика написано:

«Преследовал засевшего противника на ст. Куликово, выбил его с этой станции и под обстрелом разрушил телеграфную линию».

Другой вахмистр подпрапорщик этого же эскадрона, Семён Пуцко, умело отразил контратаку:

«8 августа, когда ст. Куликово была взята и было приступлено к ее разрушению, он со взводом преследовал противника, пытавшегося снова завладеть станцией, и привел его в бегство, чем способствовал уничтожению станции».

Выполнив задания, эскадроны и отряды подрывников должны были собраться и отойти на свою территорию. Однако на обратном пути возникли осложнения: все дороги оказались перерезаны. Генерал А. М. Драгомиров вспоминал:

«...противник (2-я Авст. – Венг. Кавал. дивизия и два отряда егерей) начал нас окружать, чтобы не выпустить из лесисто-болотистого района, в котором действовала дивизия... Вывод частей, участвовавших во взрыве моста, был задержан огнем противника из двухэтажной каменной казармы, окруженной палисадом. Попытка овладеть ею нахрапом – не удалась. Генерал Ванновский был смертельно ранен, а командир Нежинского гусарского полка полковник Витковский – убит».

А. М. Драгомиров умалчивает, что тяжело раненый в живот командир дивизии, сорокапятилетний генерал-майор С. П. Ванновский, попал в плен. Это явилось, несомненно, сильным ударом по престижу императорской армии. Генерал С. П. Ванновский был сыном генерала от инфантерии П. С. Ванновского (1822–1904), военного министра в 1882–1897 годах, а также непродолжительное время министра народного просвещения (1901–1902). О пленении такой важной персоны, конечно, раструбили все газеты Австро-Венгрии и Германии. С. П. Ванновский скончался через два дня, 10 августа, в полевом госпитале во Львове (тогда – Лемберге). Посмертно он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (ВП от 29.9.1914), ему также было присвоено звание генерал-лейтенанта (ВП от 11.05.1916, старшинство с 8.8.1914).

За вынос из-под огня тяжело раненного командира – полковника Я. – Ф. Ф. Витковского – два гусара (Иосиф Палубский и Сергей Савушкин) впоследствии получили Георгиевские кресты 4-й степени. Полковник скончался тут же, на поле боя возле г. Камионка-Струмилова. Для полка это было серьезным ударом. Тяжело восприняли эту потерю и в Ельце. Полковника все хорошо знали, он был заметной фигурой в городе. Происходил он из дворян Минской губернии, окончил Тверское кавалерийское юнкерское училище, ротмистром участвовал в войне с Японией. Жил Яков-Феликс Витковский на Великокняжеской (Орловской) улице, в просторной шестикомнатной квартире в доме Бобковых, неподалеку от штаба полка, находившегося на Орловской площади. В некрологе, опубликованном в газете «Новое Время» 24 августа, сказано, что он был женат и имел троих детей. Перепись жителей Ельца, впрочем, показывает только двух дочерей, проживавших перед войной вместе с отцом – Елену и Ядвигу. Младшую, Елену, которой в год войны было только 12 лет, домашние и подруги называли Нелли. В семейном альбоме автора хранится выцветшая фотография, на которой можно различить белокурую девочку с косой, сидящую на скамейке в углу сада. Имеется пометка: «Любовь Васи Шевченко». Васе, приёмному сыну ротмистра В. А. Шевченко, было в ту пору 13 лет.

В субботу, 23 августа, газета «Елецкий Вестник» сообщила:

«20 августа в 5 час. вечера в Воскресенском соборе в присутствии военных и гражданских чинов города, представителей всех казенных и сословных учреждений и многих ельчан была совершена панихида по павшим в бою с неприятелем 8 августа полковнике Витковском, корнетах фон-Рутцене и Веденкове, а также и нижних чинов квартировавшего в Ельце полка».

Присутствовали на панихиде, разумеется, и дочери полковника, выражали соболезнования жены и дети офицеров полка, подошел к Нелли и Вася Шевченко. Вскоре ему самому предстояло отправиться на фронт...

Но вернемся на поле боя под г. Камионка-Струмилова. После получения известия о потере командира дивизии и командира Нежинцев на место выехал генерал А. М. Драгомиров. Он так описывает положение наших бойцов, атаковавших казарму:

«Редкие цепи гусар и улан лежали, прижавшись вплотную к палисаду. На каждую попытку двинуться вперед или назад сыпались ружейные пули из бойниц палисада и окон обоих этажей. Офицеры ползком пробирались между кочанами капусты, чтобы вытащить стрелков, находившихся впереди. А время всё уходило, и каждая потерянная минута ухудшала общее положение дивизиона.

Я вызвал конно-пулеметную команду 2-й бригады и приказал начать обстрел окон и бойниц казармы, а трубачу Ивану Гороховец (17-го гусарского Черниговского полка) трубить сигнал «назад». Услышав сигнал, наши цепи начали отходить. Австрийцы открыли бешеный огонь, но наши пулеметы заставили их замолчать. Скоро между нами и нашим противником установился неписанный договор: пока ты молчишь, и мы тебя трогать не будем, но на каждую твою пулю ты получишь несколько десятков наших. В силу этого договора все участники боя были благополучно выведены и присоединены к своим частям».

Вахмистр подпрапорщик Родион Супрунов вызвался охотником подобрать раненых, оставшихся на поле боя перед палисадом, что ему и удалось выполнить, несмотря на возобновившийся огонь из-за стен. За отвагу и самоотверженность был награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Казалось, в полках удалось восстановить походный порядок. Но на этом проблемы не закончились. Отходя в западном направлении, дивизия чуть не попала в окружение возле деревни Туринка. Генерал А. М. Драгомиров вспоминал:

«В тот же день, в самый разгар солнечного затмения, Гороховцу пришлось еще раз трубить «сбор», но уже в иной обстановке, когда окруженная со всех сторон дивизия, в конном строю, шла на прорыв из неприятельского кольца. Этот сигнал дал возможность собрать дивизию, растянувшуюся на забитых лесных дорогах, по которым передача приказаний через ординарцев оказалась невозможной».

Из приказов о награждении нижних чинов 18-го гусарского Нежинского полка Георгиевскими крестами 4-й степени можно восстановить несколько эпизодов прорыва из окружения. Взводный унтер-офицер Иван Демешин самоотверженно устремился в атаку:

«8 августа в бою под д. Туринкой врезался во взвод неприятельской пехоты, сбил несколько человек, но, попав под пулеметный огонь, раненый или убитый остался на поле сражения».

Вахмистр подпрапорщик Иван Журавлев также шел на прорыв:

«...во время атаки под д. Туринкой, заметив сзади застрывших не менее полуэскадрона всадников разных частей, несмотря на сильный огонь и будучи сам контужен в голову, вернулся, нашел выход из болота и, восстановив порядок, вывел всех людей»

Атака захлебнулась. К бойцам был послан мл. унтер-офицер Егор Болашов:

«...в бою под Туринкой под пулеметным и ружейным огнем противника отыскал цепь и передал приказание отступить».

За вывоз пулеметов награждены были ст. унтер-офицер Василий Рязанов и гусары Пётр Осипов и Фёдор Чесноков. Особо отмечен вахмистр Иван Нагаев:

«В бою под Туринкой 8 августа под огнем пулеметов водворил порядок среди коноводов, чем дал возможность пулеметам присоединиться к полку».

А выход из ловушки был найден мл. унтер-офицерами Иваном Крючковым и Михаилом Рощупкиным:

«...при отходе дивизии из-под д. Туринка, вызвавшись охотниками, под сильным неприятельским огнем отыскиали брод, по которому и перешел весь отряд».

Списки потерь всех четырех полков дивизии под г. Камионка-Струмилова и у д. Туринка производят гнетущее впечатление.

В 16-м уланском Новоархангельском полку: 2 убитых, 15 раненых (2 оставлены на поле боя) и 152 пропавших без вести (в том числе 14 человек из пулеметной команды, 14 фельдшеров и санитаров, писарь и несколько человек из обоза).

В 17-м уланском Новомиргородском полку: 14 убитых, 7 раненых, 96 пропавших без вести.

В 17-м гусарском Черниговском полку: 4 тяжело раненых оставлены на поле боя, 7 раненых доставлены к своим, пропали без вести 37 человек (в том числе 2 трубача и 5 обозных рядовых).

Наконец, в 18-м гусарском Нежинском полку: убиты командир полка, корнет Николай фон-Рутцен и 7 нижних чинов (в том числе 2 трубача), 23 раненых (из них 9 остались на поле сражения), 78 человек пропали без вести. Среди пропавших без вести – штаб-ротмистр Дмитрий Потапьев, ст. врач коллежский советник Л. Ф. Холодилов, мл. врач лекарь А. А. Козляников, заведующий лазаретом К. А. Грузинский, медицинские фельдшеры С. Р. Дембовский и А. Е. Базин, мл. ветеринарный врач титулярный советник М. Я. Ильинский, эскадронные фельдшеры А. Е. Васин и И. М. Цветков и три лазаретных служащих. В руки противника попал весь обоз 1 разряда с людьми, лошадьми, двуколками.

Таким образом, при прорыве из окружения в мареве солнечного затмения дивизия потеряла около четырехсот человек. А среди погибших – сам начальник дивизии и командир Нежинского полка. Чувствительные потери! Видимо, поэтому командование сочло рейд неудачным. О нем не писали газеты. 10 августа, когда кавалеристы уже находилась на нашей территории, в «Новом Времени» промелькнуло запоздалое лаконичное сообщение:

«От штаба Верховного Главнокомандующего. Австрийский батальон выбит из Равы Русской».

4. Первая Галицийская битва

Потрепанную во время рейда Сводную кавалерийскую дивизию для отдыха и пополнения на время отвели в тыл. Штаб 18-го гусарского Нежинского полка 10 августа находился в д. Потуржин. Затем полк двинулся в северном направлении – через д. Мирче и г. Грубешов (Хрубешув) к окрестностям г. Холм. Тут на эскадроны была возложена задача сопровождать движущиеся на фронт транспорты с боеприпасами и продовольствием.

После прибытия 16 августа из Холма очередного транспорта дивизия была направлена на участок южной группы корпусов (XIX, V и XVII). В это время неудачное для 5-й армии Томашевское сражение уже заканчивалось. Справа по фронту 4-я русская армия в двух боях под Красником понесла тяжелые потери. Под натиском 1-й и 4-й австро-венгерских армий 4-я и 5-я русские армии отступили. Сводная кавдивизия 17 августа атаковала у м. Невирков (Невиркув) и сбила противника с позиций, при этом Нежинцы захватили пулемет. На следующий день, 18 августа, разведчики, посланные через д. Яновка (Янувка) к д. Домброва, уже занятой неприятелем, увидели приближение крупных соединений. Поступил приказ отойти в восточном направлении, на крайний левый фланг армии, в район г. Грубешов. Прикрывал отход в д. Дуб, у переправы, спешенный 6 эскадрон Нежинцев. Полком тогда временно командовал полковник Карл-Болеслав Тупальский. В конце июля он Высочайшим приказом был переведен в 10-й драгунский Новгородский полк, но после гибели полковника Я. – Ф. Витковского его срочно вернули.

Противник наступал. С юга, от станций Угнов и Белз, настойчиво продвигалась группа эрцгерцога Иосифа-Фердинанда (XIV корпус и 41-я гонведная дивизия). 19 и 20 августа разъезды Нежинцев постоянно сталкивались с неприятелем в районе деревень Мирче, Терebin, Жабче, Долгобычев (Долгобычув). Полк по приказу отступил за р. Буг. 22 августа разъезд штаб-ротмистра Рюмина, перейдя Буг вброд, выяснил расположение неприятельских войск около г. Крылов (Крылув). В тот же день разведчики донесли, что взвод австрийцев занял переправу у д. Слипче. Но это был последний успех неприятеля на данном направлении.

Еще 21 августа Главнокомандующий Юго-Западным фронтом (генерал от артиллерии Н. И. Иванов) подписал директиву (телеграмма № 761) о переходе 5-й армии в наступление. Командующий армией (генерал от кавалерии П. А. Плеве) назначил выступление на следующий день. К этому времени, после успешных сражений на Золотой Липе (13–14 августа) и Гнилой Липе (16–18 августа), 3-я армия вступила во Львов (21 августа), а 8-я армия захватила Галич (20 августа).

Директива № 765 от 22 августа была обращена ко всем командующим армиями фронта (9-й, 4-й, 5-й и 3-й):

«...армиям ген. Лечицкого, Эверта, Плеве и Рузского неотступно следить за неприятелем, находящимся между Вислой и Бугом, не дать ему уйти, принудить его к бою, нанести поражение, отбрасывая дружными общими усилиями к Висле».

После потери Львова австро-венгерское командование поставило заслон против 5-й русской армии и собрало главные силы для удара по 3-й и 8-й армиям. Однако 22 августа 5-я армия перешла в наступление, при этом XXV и XIX армейские корпуса помогали находящимся справа 4-й и 9-й армиям, а V и XVII корпуса – находящимся слева по фронту 3-й и 8-й армиям. Это внезапное выдвижение 5-й армии в конечном итоге и привело к успешному исходу первой Галицийской битвы. Сводная кавалерийская дивизия находилась при XVII корпусе, который атаковал противника юго-западнее Грубешова, наступая на линию Чесники – Комаров (Комарув).

24 августа был сформирован Сводный кавалерийский корпус, в состав которого вошли Сводная кавалерийская дивизия (обязанности начальника выполнял генерал А. М. Драгомиров), 4-я Донская казачья дивизия и бригады 1-й Донской казачьей дивизии. Перед корпусом поставили задачу преследовать неприятеля в общем направлении на Билгорай, захватить этот пункт и выяснить положение противника на путях далее к реке Сан. 18-й гусарский Нежинский полк в 9 часов утра выступил к г. Замостье (Замосць). К вечеру штаб полка и обоз II разряда находились в д. Плоске, а обоз I разряда – у д. Мокре.

На следующий день, 25 августа, в 5.30 утра полк выступил в южном направлении, к д. Липско. В голове колонны следовали офицерские разъезды от 5-го и 6-го эскадронов.

26 августа кавалеристы генерала Драгомирова занял Красноброд (Краснобруд), где было только две роты рабочей команды австрийцев. На левом фланге корпуса 6-й эскадрон Черниговских гусар у д. Зелёне изрубил эскадрон венгерских гусар, а на правом фланге казаки из 4-й Донской дивизии разгромили у Фрамполя большие обозы.

18-й гусарский Нежинский полк утром 27 августа находился в д. Сусец; от 5-го эскадрона выставлена застава на переправе у д. Рыбница, произведена разведка на деревни Паары и Хута Ружанецка. Затем полк вместе со всем корпусом направился к м. Нароль, в тыл австрийцев, действовавших против 3-й и 8-й армий. У д. Ловче (Лувче) отличился мл. унтер-офицер 5-го эскадрона Николай Чухраев:

«28 августа у д. Ловче эскадрону было приказано пройти лавою и занять ее; правый фланг лавы, пройдя деревню, был обстрелян из лесу и начал отступать. Чухраев подскочил к флангу лавы, заставил ее опять выдвинуться вперед, спешился и выбил противника из леса».

Далее Сводный кавалерийский корпус двинулся на линию Цешанов (Цешанув) – Любачев (Любачув), продолжая наносить удары в тыл австро-венгерским войскам. 29 августа разведка Нежинцев у д. Залужье попала под сильный огонь противника, а у д. Пасека была отражена яростная контратака. Наконец, 30 августа противник дрогнул и стал поспешно отходить. В этот день Нежинские гусары вступили в м. Любачев.

5-я армия соединила свои корпуса с целью дальнейшего наступления на р. Сан. Кавалерии было приказано преграждать противнику путь к переправам, сбрасывая его к юго-востоку. Поэтому в последний день августа штаб 18-го гусарского Нежинского полка уже в д. Кобыльница Русская. Тут было установлено, что большие массы вражеских войск отступают по шоссе южнее д. Млыны. В 4 часа ночи 1 сентября офицерский разъезд 6-го эскадрона отправился в разведку по маршруту Кобыльница Русская – Кобыльница Волоска – Будзынь – Краковец. В этот день отличился мл. унтер-офицер Василий Кусочкин:

«1 сентября выяснил окопы противника и провел свой разъезд целым из-под огня».

В 12.30 выступил авангард, в 12.35 двинулись главные силы Сводной кавдивизии через деревни Кобыльница Волоска, Будзынь, Гнойница, Воля Гнойницка до д. Малнов (Малнув), где и обосновался штаб. Тем самым выполнялись директивы, данные 5-й армии: теснить всеми корпусами отходящего противника, стараясь отбросить его к юго-востоку, а кавалерии преграждать противнику отступление к р. Сан и вести разведку.

5. Полковник Д. И. Ромейко-Гурко

30 августа командиром 18-го гусарского Нежинского полка был назначен полковник Дмитрий Иосифович Ромейко-Гурко (23.09.1872–19.8.1945). Он стоял в Генеральном штабе первым в очереди на получение полка. При этом сам он в то время находился в Швейцарии.

Д. И. Ромейко-Гурко – личность примечательная во многих отношениях. Военная службы была предопределена ему с рождения, поскольку он – сын фельдмаршала И. В. Ромейко-Гурко (1828–1901). Бабушка его Евгения Васильевна Салиас де Турнемир (урожденная Е. В. Сухово-Кобылина) – известная в середине XIX века писательница, выступавшая под псевдонимом Евгения Тур, а дядя, Евгений Салиас, был популярным в конце XIX – начале XX века историческим романистом. Быть может, поэтому написанные живо и объективно «Воспоминания генерала» Д. И. Ромейко-Гурко читаются с огромным интересом и, несмотря на то, что память иногда подводит мемуариста, являются ценным историческим документом.

Дмитрий Иосифович получил образование в гимназии и Пажеском корпусе (1893), затем окончил по I разряду Николаевскую академию Генерального штаба (1900), участвовал в Русско-японской войне (1904–1905). С апреля 1908 года вплоть до начала войны он служил военным агентом в Швейцарии (в декабре 1908 года произведен в полковники). Его деятельность имеет отношение к нескольким крупным шпионским скандалам кануна Первой мировой войны.

Во-первых, военный агент в Швейцарии Д. И. Ромейко-Гурко поддерживал регулярные письменные контакты с полковником австро-венгерского Генерального штаба Альфредом Редлем (в «Воспоминаниях» назван Ределем, лично они, по всей видимости, не встречались). В 1907–1911 годах А. Редль был заместителем начальника Эвиденцбюро (военной разведки Австро-Венгрии), причем занимался как раз разведкой и контрразведкой против России. От него было получено огромное количество копий подлинных документов австрийского Генштаба, с другой стороны, через него вбрасывались фальшивые документы российского военного командования. Пересылкой денег А. Редлю приблизительно до 1912 года как раз и занимался Д. И. Ромейко-Гурко (в своих воспоминаниях он пишет, что суммы шли через нотариуса как бы от реализации вымышленного наследства). Об этой шпионской операции имеется большая литература, но подлинные факты тонут в потоке дезинформации, домыслов и версий. Есть, например, версия, что полковник А. Редль сбывал подложные документы с ведома своего начальства, а покончить жизнь самоубийством 12 (25) мая 1913 года его вынудили посредством хитроумных политических интриг. Впрочем, в Генеральном штабе Австро-Венгрии в те годы был и другой изменник, так и оставшийся неразоблаченным. Таким образом, очевидно, русской разведкой были добыты сведения о минных заграждениях, секретные инструкции об охране железнодорожных сооружений и другие важные документы. Утверждается также, что был получен и ценнейший «План наступления австро-венгерской армии против основного противника», иными словами, план стратегического развертывания в случае войны с Россией. Военное руководство Австро-Венгрии сделало такой вывод из анализа денежных средств на счетах полковника А. Редля – в 1911 году поступило 59 тысяч крон. Интересно, что провал А. Редля в мае 1913 года случился после того, как Д. И. Ромейко-Гурко избавили от обязанности пересылать деньги. Доставка гонораров А. Редлю была поручена другому русскому военному агенту, тот стал просто отправлять пакеты с деньгами на Венский почтамт «до востребования». На почте пакеты показались подозрительными – и вскоре предатель был разоблачен.

В связи с этой шпионской историей, на мой взгляд, следует обратить более пристальное внимание на рейд Сводной кавалерийской дивизии 4–8 августа 1914. По моей версии, эта поспешная и рискованная вылазка была предпринята с целью выяснения, в какой степени можно доверять сведениям, полученным от австрийских двурушников (в том числе, вероятно,

и А. Редля), и насколько противник успел изменить прежние инструкции и планы. То, что дивизия попала в окружение и еле вырвалась из ловушки, наводит на определенные размышления.

Второй случай, характеризующий деятельность военного агента в Швейцарии Д. И. Ромейко-Гурко, также интересен. Ему удалось в начале 1911 года подслушать разговор германских дипломатов, из которого он понял, что немцы имеют в русском посольстве в Берлине своего агента по фамилии Рехак. Об этом было доложено в Главное управление Генштаба. Проверка выявила, что в посольстве, действительно, около 20 лет работает в должности старшего канцелярского служителя некий Юлиус Рехак. В его обязанности входило получение и отправка почты, уборка помещений, у него на руках были ключи от всех дверей канцелярии посольства, во время уборки все шкафы посольства находились в его распоряжении. Поэтому, несомненно, перед войной Германия была осведомлена о многих секретных планах России, в том числе и о намечавшейся большой военной реформе в 1914–1918 годах. Такая осведомленность, очевидно, должна была подстегивать стремление опередить вероятного противника и, таким образом, подталкивала к войне.

Добирался полковник Д. И. Ромейко-Гурко из Швейцарии до нового места назначения очень долго – более месяца...

6. Сражение на реке Сан

5-я армия 1 сентября 1914 года занимала XXV, XIX и V корпусами участок от Замх до Любачева, имея за левым флангом XVII корпус. Перед фронтом армии отходили части 4-й австрийской армии. Ее главные силы перешли пограничную реку Сан, оставив арьергарды у Сплавы и Ярослава. Армейская конница 5-й русской армии, в том числе и Сводная кавалерийская дивизия, преследовала отходящего противника. 7 сентября в реке Сан начался подъем воды, броды исчезли, мосты, наведенные для переправы, были снесены. В течение ночи на 8 сентября V корпус подтянул понтонный батальон, перешел реку и занял Ярослав, найдя все его укрепления в целости и в них 44 брошенных орудия. Причиной поспешного отхода неприятеля послужил бунт в чешских и польских частях гарнизона.

В это время создалась тревожная обстановка на Варшавском направлении, в районе Ивангорода. Начались перегруппировки войск. 4-я русская армия была переведена на левый берег Вислы, ее место поспешно занимали второочередные дивизии и армейская конница 5-й армии, растянувшей таким образом свой фронт. Когда разведка установила признаки наступления противника, пришла новая директива командующего фронтом: теперь 5-й армии следовало отойти в район Люблин – Красник, а ее прежние позиции должна была удерживать 3-я армия. Именно в тот момент, в первой декаде сентября, в составе 3-й армии появилась переданная из 5-й армии Сводная кавалерийская дивизия генерала А. М. Драгомирова. Перед дивизией была поставлена задача прикрывать фронт 3-й армии, обозначенный как Рудник – Жолыня – Яворник, и вести активную разведку между реками Сан и Вислока.

10 сентября конница А. М. Драгомирова заняла м. Прухник и устремилась на запад. 12 сентября она прошла деревни Дынов (Дынув) и Барыч. 13 сентября она уже у г. Кросно, а 14 сентября сходу захватила г. Ясло. Фактически действия дивизии – глубокий рейд вслед за отступавшим противником. 20 сентября генералу А. М. Драгомирову был пожалован орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 степени:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.